

УДК 1(09)

Личность как доминирующий фактор общественного прогресса в концепции Н.В. Шелгунова

Н.Н. Никулина

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. В статье подчеркивается серьезный вклад русского философа-публициста Н.В. Шелгунова в разработку антропологического аспекта отечественной философии, в которой он представил уникальную модель прогрессивной личности, сочетающую в себе не только активную социальную направленность, но и весьма плодотворную хозяйственную деятельность. В статье впервые проведена историческая параллель между творчеством Н.В. Шелгунова и работой великого русского мыслителя С.Н. Булгакова "Философия хозяйства". Большой интерес представляет полемика Н.В. Шелгунова с представителями западничества и славянофильства, "толстовства", либерального и революционного народничества.

Abstract. The paper considers anthropological aspect of the Russian philosophy worked out by N.V. Shelgunov. The thinker represented the model of progressive person combining not only active social activity but rather productive economic activity as well. The author has drawn a parallel between works of Shelgunov and the work of S.N. Bulgakov "Philosophy of Economy".

Ключевые слова: прогресс, новая хозяйственная личность, теория счастья, свобода, трудовая теория, альтернативная типология личности

Key words: progress, new economic person, happiness theory, freedom, labour theory, alternative typology of person

1. Введение

Проблема прогресса и неразрывно связанная ней проблема личности занимает значительное место в русской философии. Особенностью русской философии с момента ее зарождения была антропологическая направленность. Неподдельный интерес к личности, стремление связать всякое проявление бытия и сознания личным восприятием проявляли философы консервативного, либерального и демократического направления. Теории социального прогресса как составляющие обществоведческих концепций в этом случае не были исключением, т.к. любые факторы социального прогресса – экономические, социально-политические, нравственно-этические, идеологические и т.д. – представляют собой абсолютно безжизненную конструкцию, если не включают в себя человеческий фактор.

Вопрос о том, какое место должен занимать человек как активный деятель и творец социального прогресса, в силу специфических особенностей российской социально-философской мысли второй половины XIX века исследовался в широком аспекте; этим и объясняется своеобразие и пестрота в решении проблемы прогресса в целом. Личность как субъект социального прогресса выступала в совершенно разных обликах: от верноподданнического славянофильского идеала соборной личности до писаревского нигилизма Базарова, от толстовского принципа "непротивления злу силою" до утверждения анархизма М. Бакунина. Заслуга Н.В. Шелгунова заключается в том, что в период резкого противостояния западничества и славянофильства, революционных и контрреволюционных реформ, консервативных и революционных идеалов, он выдвинул своеобразную альтернативу – идею новой хозяйственной личности в качестве основного носителя общественного прогресса.

2. Личность как доминирующий фактор прогресса

Проблема будущего России явилась общей платформой учений западников и славянофилов. Представители обоих направлений сделали очень многое для формирования нового взгляда на Россию, их вклад в осмысление места и роли России в мировой истории, определение роли и значения человека в мире и обществе имеет колоссальное значение. Но если у славянофилов философия выступала связующим звеном между чистой верой и ее приложением в практической жизни, где целью воспитания было создание цельной гармонической личности, базирующейся на православных канонах и добродетелях, то западники опирались на философские установки немецкого антропологизма и французского просвещения, делавших ставку на материалистическое мировоззрение, на положения "разумного эгоизма". Квинтэссенцией славянофильской доктрины было учение о духовной цельности человеческой личности, выразившихся в понятиях соборности и общинности, которые, по мнению Ю.Ф. Самарина, составляют "основу, грунт всей русской истории" (Самарин, 1996). Соборность является

неким религиозно-метафизическим основанием, через которое личность и общество могут достичь состояния гармонии.

Западники отвергали патриархальный идеал соборности. На вооружение ими была взята западноевропейская концепция индивидуализма, в которой личность выступает основой социокультурного бытия. Суть спора западников и славянофилов – соотношение личности и общины, личности и государства. В отличие от славянофилов, западники однозначно утверждали, что в общине идет процесс растворения личности, стирание ее индивидуальности, права личности подавляются интересами общины. Они ставили главной целью воспитательного процесса создание всесторонне развитой личности, способной к активной гражданской позиции, воспитание человека-борца, человека-гражданина, способствующего прогрессивному развитию общества. В этом аспекте позиция Шелгунова четко вписывалась в рамки западной доктрины. Однако при этом отношение Н.В. Шелгунова к представителям славянофильства было объективным. Текстологический анализ первоисточников, свободный от конъюнктурных соображений, выявляет весьма уважительное отношение Н.В. Шелгунова к своим оппонентам. В его творчестве мы не встретим резких оскорбительных отзывов о славянофилах, которые нередко позволяли себе некоторые известные общественные деятели: Т.Н. Грановский, В.С. Соловьев, М.Н. Катков и др. Так, Т.Н. Грановский утверждал, что славянофильская система, основанная на православной патриархальности, "несовместима ни с каким движением вперед", в ней нет "ни одной свежей мысли, ни одного благородного взгляда", т.к. от них "пахнет мертвечиной" (Святловский, 2003). Негативное отношение к славянофилам высказывали В.С. Соловьев и лидер охранительного направления М.Н. Катков, видевшие в их учении скрытые истоки национализма.

В противовес этим незаслуженным обвинениям, Шелгунов утверждал, что славянофилы – это люди высокой честности, широкого кругозора, законченного европейского образования и философского развития. По мнению мыслителя, они явились "первыми пророками нашего национального самосознания", которые "первыми подняли знамя народности" и, "проповедуя безграничную любовь к своему родному, хотели не только обновить русскую жизнь, но и спасти ...все народы". При чтении их произведений, отмечал Шелгунов, "ваше сердце билось облагораживающими чувствами, все ваши помыслы становились честными и возвышенными, вся ваша деятельность становилась справедливой, гуманной" (Шелгунов, 1891а). При этом он не идеализировал славянофильскую концепцию, наоборот, он четко определил ее историческую несостоятельность, выразившуюся в иллюзорности их представлений, направленных на идеализацию прошлого.

Резюмируя аксиологический аспект славянофильской доктрины, мыслитель подчеркивал, что "при всем желании излить на свою страну потоки благополучия, славянофилы в сущности были силой не прогрессивной, а ретроградной", т.к. их идеалы – это идеалы "старой московско-византийской Руси", поэтому "их смутные стремления были направлены не вперед, а назад" (Шелгунов, 1891а). Таким образом, Н.В. Шелгунов определял любые теории, основывавшиеся на идее о необходимости возврата к патриархальным нравам, как "общественный консерватизм", и считал это "прямым отрицанием прогресса". Шелгунов был принципиальным противником противопоставления России и Европы. В отличие от Н.Я. Данилевского, он искал точки соприкосновения обеих цивилизаций, призывал к взаимообогащению наших культур, ему была чужда идея панславянизма. Подобно А.И. Герцену он считал западников и славянофилов истинными патриотами своей Родины, у которых была "одна любовь, билось одно сердце", но, подобно Янусу, наш "двуглавый орел смотрел в разные стороны" (Герцен, 2003). Этот вклад Шелгунова в укрепление единства позиций западников и славянофилов по достоинству оценил лидер либерального народничества Н.К. Михайловский, утверждавший, что Шелгунов достиг такого уровня "идеально-реальной высоты", что "никогда не впадал в крайности западничества и славянофильства, в принципе он устранил обе эти крайности" (Михайловский, 1899).

Таким образом, несмотря на своеобразное идеологическое противостояние, Шелгунов смог достаточно объективно оценить роль и значение славянофильства в русской философской мысли. Он считал, что идеи западников и славянофилов представляют собой две стороны единого процесса пробуждения национального самосознания, стремящегося понять смысл исторической судьбы России. Отмечая их единый идейно-нравственный источник (любовь к Родине, жажда преобразований и т.д.), он объективно оценивает не только своих единомышленников, но и дает высокую оценку своим оппонентам.

Критическое осмысление славянофильской и западной доктрины позволило Шелгунову совершить первый шаг к идее новой хозяйственной личности. Вторым шагом к ее созданию явилось осмысление им антропологического принципа в философии и теории разумного эгоизма, в наиболее обобщенной форме представленных в философско-социологических воззрениях Н.Г. Чернышевского, которые оказали колоссальное влияние не только на мировоззрение Шелгунова, но и на умонастроение целого поколения русских мыслителей.

Разумный эгоизм Шелгунова исходит из антропологического принципа Н.Г. Чернышевского, который развил представление о целостной природе человека, не допускающей противопоставления материи и сознания, души и тела. В философско-социологических воззрениях Н.В. Шелгунова антропологический принцип служит отправным пунктом обоснования философского материализма. Однако далее Шелгунов сумел преодолеть узкие рамки антропологизма, переключив акцент с натуры человека на его социальность, особенно на выявление факторов, способствующих общественной активности людей. Его философия приобрела ярко выраженную социальную направленность, где человеческая личность определялась как главный субъект исторического и социального прогресса. Более того, деятельность, направленную на улучшение общественного блага, на ускорение общественного прогресса, Шелгунов считает высшей аксиологической ценностью, истинным смыслом человеческой жизни, ибо "самая полная и всесторонняя жизнь есть самая счастливая жизнь, а всесторонняя жизнь – только общественная" (Шелгунов, 1954а). Именно в общественных связях он видел "узел той солидарности", который "двигает каждого человека и все человечество" к созиданию общего блага. Подчеркивая диалектическое единство и детерминистическую обусловленность общественной деятельности и прогресса, мыслитель писал: "Общественная жизнь есть самая полная жизнь, потому что дает силам человека наибольший материал. Поэтому-то, несмотря на все издержки и уклонения, общественный прогресс остановиться не может, ибо источник его в самой душе человека, в законе его сил" (Шелгунов, 1954б).

Таким образом, антропологический принцип в философско-социологических воззрениях Шелгунова основан на концепции родовой сущности человека не только как чувственного, но во многих отношениях как деятельного существа. В антропологических взглядах Н.В. Шелгунова утверждается самоценность человеческого существования, исходя из которой человек имеет неотъемлемые права на достойную жизнь. Следует особо подчеркнуть, что отличительной особенностью шелгуновской интерпретации разумного эгоизма являлось отсутствие резких высказываний и эмоциональных амбиций в осмыслении традиций и общественных идеалов. В отличие от нигилистических установок Д.И. Писарева, позиция Шелгунова была более взвешенной и объективной, по сути соответствующей именно разумному эгоизму. Квинтэссенцией философской рефлексии Шелгунова является его следующее утверждение: "Только наше время установило, что благороднейший, драгоценнейший и единственный элемент прогресса есть свободная личность, развивающаяся в свободном общежитии" (Шелгунов, 1891в). Мыслитель акцентирует внимание на основных качественных признаках личности, каковыми являются ярко выраженная социальная направленность и устремленность к всесторонней и гармоничной самореализации.

3. Новая хозяйственная личность как альтернатива типологическим моделям личности пореформенного периода

Философская рефлексия Н.В. Шелгунова оказалась перед сложной дилеммой: славянофильская модель патриархальной личности, базирующаяся на основах православия и домостроя, не отвечала требованиям новой эпохи, ее консервативный идеал закрывал дорогу в будущее; идеал революционного народничества, ориентированный на требования радикализма, обострял антагонизм в обществе, что не способствовало прогрессу и процветанию общества; либеральное народничество, заиклившись на продвижении "критически развитой личности", практически было оторвано от народных корней и противопоставляло личность обществу, "героя – толпе"; идеи опрощения, призывающие слиться с народом, "сесть" на землю и "жить своим хлебом", выдвигаемые Л.Н. Толстым, оценивались Шелгуновым весьма скептически.

Основываясь на принципах экономических учений Запада и положениях теории разумного эгоизма, Н.В. Шелгунов разрабатывает идею новой хозяйственной личности как главного носителя и двигателя прогресса. Эта идея вырабатывалась мыслителем мучительно долго, путем серьезного осмысления многих философских доктрин XIX века. К сожалению, в силу объективных обстоятельств эта идея не нашла своего воплощения в отдельно изданном произведении. Но идея новой хозяйственной личности проходит красной нитью почти через все творчество русского мыслителя, имплицитно она содержится в большинстве его работ, опубликованных в "Очерках русской жизни". Используя метод исторической аналогии и реконструкции, мы попытаемся соединить отдельные положения и черты и собрать воедино образный портрет новой хозяйственной личности в творчестве Шелгунова.

Русский мыслитель указывает на то, что в пореформенный период, характеризующийся коренными изменениями во всех сферах общественной жизни, идет активная переориентация на рыночные принципы и механизмы хозяйственно-экономического развития страны. В это время происходит существенная трансформация в системе политического управления и государственной власти, осуществляется решительный отказ от феодальных пережитков, провозглашается

приоритетность демократических прав и свобод, примат общечеловеческих ценностей. Шелгунов активно отстаивает мысль о том, что успешное проведение реформ должно быть обеспечено не только экономическими преобразованиями и правительственными перестановками, но и соответствующим уровнем профессиональных знаний людей, их деловыми качествами, активными предпринимательскими способностями. Анализ социально-экономических факторов прогресса закономерно подводит мыслителя к выдвиганию исключительно важной идеи, заключающейся в том, что истинным носителем прогресса является новая хозяйственная личность, у которой должна быть развита потребность к активной трудовой деятельности, к достижению высоких профессиональных результатов.

Идеи Н.В. Шелгунова о значимости развития экономики в России и о необходимости создания новой хозяйственной личности впоследствии отразились в творчестве русского философа XX века С.Н. Булгакова. В этой связи целесообразно провести историческую параллель в отношении взаимосвязи философско-экономического обоснования прогресса и роли в нем новой хозяйственной личности в произведениях Шелгунова и одной из лучших работ Булгакова "Философия хозяйства" (1912 г.). Несмотря на то, что мировоззренческие позиции обоих философов были принципиально противоположны, им обоим свойственна тревога за будущее России, опасение за экспансию иностранного капитала, когда, к сожалению, происходит "медленное, но верное и неизбежное завоевание России иностранцами" (Булгаков, 1999). Но если у Шелгунова проблема хозяйственной деятельности человека сведена к классической схеме материалистического понимания этого процесса, то у С.Н. Булгакова проблемы "философии хозяйства" трактуются в контексте понимания мира как объекта трудового хозяйственного воздействия. С.Н. Булгаков анализирует жизнь как первоначало хозяйства, которое всегда есть борьба жизни и смерти, свободы и необходимости, механизма и организма. По определению Е.М. Амелиной (1999), у Булгакова человечество как субъект хозяйственной деятельности трактуется как "некое софийное космическое начало, как проявление Мировой Души, а хозяйство понимается им как часть Вселенной и момент ее развития". Подобный пантеизм обусловил органическое включение экологической составляющей в проблему "философии хозяйства", где ведущей доминантой звучала мысль о нравственном долге человека перед природой, о его ответственности перед миром.

В творчестве обоих мыслителей неоднократно звучало предупреждение о недопустимости хищнического истребления природы, которое приведет к "самоубийству человечества". Поэтому не процент полученной прибыли и не уровень развития производительных сил являются критериями прогресса. Критерий прогресса связан с оптимально-гармоническим взаимоотношением между обществом и природой. Следует особо подчеркнуть, что высокий профессионализм Н.В. Шелгунова как ученого-агрария, его знания, сформировавшиеся в стенах лесотехнической академии, имели важное значение в решении экологической проблемы, назревавшей в России. Актуально и злободневно звучит его призыв о необходимости рационального землепользования, об улучшении природных условий страны, о сохранении благоприятного климата путем лесонасаждений, строительства каналов, орошения пустынных земель и превращения их в цветущие сады. Он верил в силы человека, в его созидательные способности и утверждал, что научное представление о мире, знание законов природы и законов хозяйственной деятельности помогают практической деятельности людей. Таким образом, несмотря на противоположные мировоззренческие принципы, материалистические взгляды Шелгунова и идеалистические установки С.Н. Булгакова имеют общие точки, где их мнения совпадают в освещении реалий российской действительности.

Идея новой хозяйственной личности базировалась на утверждении Н.В. Шелгунова о том, что новые капиталистические отношения порождают новое мышление, новый стиль хозяйственной деятельности, ибо любой прогресс немислим без человека, без его внутренней перестройки, без его самореализации. Эти положения шелгуновской концепции не потеряли своей актуальности и в наши дни. В своих работах, посвященных исследованию данной проблемы, он пишет, что субъектом хозяйственной деятельности является как отдельный человек, так и человечество в целом. Философ особо подчеркивает важную роль человеческого фактора в организации хозяйства; по его убеждению, именно личность является самостоятельным фактором хозяйства, ибо вне личной инициативы, вне творческого отношения к хозяйственной жизни невозможны ни поддержание экономического status quo, ни социально-экономический прогресс.

Философская рефлексия русского писателя схватывает диалектическую взаимосвязь социально-экономического фактора с материально-духовным развитием. Он акцентирует внимание русской общественности на том, что экономическое истощение страны опасно не только тем, что народ будет питаться только хлебом с солью. "Материальная бедность, – подчеркивает он, – ведет к последствиям более печальным. Когда народ видит, что все плоды его труда и сбережения от него отнимаются, он теряет всякую охоту быть прилежным и энергичным; является равнодушным к собственным делам, исчезает потребность деятельности и стремление к повышению своего материального уровня. Падающий

уровень потребностей и минимум удовлетворения создают минимум умственной деятельности и, следовательно, апатию и спячку мозга. Народ возвращается к полудикому состоянию и затем уже не выходит из него, если экономическое положение его не улучшается". Мыслитель делает вывод большой теоретической важности, сохраняющий актуальность и в наше время: "Чтобы государственное хозяйство соответствовало вполне идеалу нового государственного строя, оно должно давать наивозможно больший простор экономическому развитию каждой отдельной личности" (Шелгунов, 1904).

Важной особенностью трудовой теории Н.В. Шелгунова является не только обоснование социальной роли труда в процессе становления личности, но и фиксация аксиологической значимости труда в жизни человека. Он неоднократно акцентировал внимание на том, что в процессе труда не только совершенствуются трудовые навыки и профессионализм работника, но и складываются нравственные отношения между людьми, на основе которых формируется полноценная человеческая личность. Обоснование труда как смысла человеческой жизни, как основополагающего начала духовности, как одного из верных средств достижения счастья выражено в его тезисе о том, что счастье заключается "в честном, полезном труде, приносящем пользу себе и обществу, все остальное – копчение неба и бесполезная трата сил и способностей". Шелгунов был убежден, что в России созрели предпосылки для возникновения новой хозяйственной личности. Он приветствовал создание реальных гимназий и училищ, где, по его мнению, и набирала силу "новая волна" будущего России, которая изменит профессиональную ориентацию подрастающего поколения, т.к. специалисты в продвинутых областях знаний, в паровой и телеграфной промышленности, "в банковских конторах, в частных промышленных предприятиях, в акционерных компаниях" необходимы, "как хлеб насущный" (Шелгунов, 1954б). Итак, трудовое воспитание является неременным условием появления новой хозяйственной личности, которая, по утверждению Шелгунова, является гарантией стабильности и будущего процветания страны.

Философско-теоретические воззрения Н.В. Шелгунова по вопросам трудового воспитания личности самым тесным образом взаимосвязаны с процессами глубочайшего преобразования в экономике страны. Развитие капитализма в промышленности и в сельском хозяйстве остро поставило вопрос о создании новой хозяйственной личности, способной решать сложные экономические задачи нового времени. В этом плане большой интерес представляет отношение Шелгунова к появлению зажиточного крестьянства, так называемого кулачества. Позиция мыслителя здесь неоднозначна, его воззрения прошли сложную эволюцию, от резкого неприятия, когда в кулачестве ему виделся лишь "мирод" и "эксплуататор", до осознания того, что зажиточные крестьяне и есть та "новая волна" сельскохозяйственных рабочих, которые сумели преодолеть в себе патриархальность и инертность общинных отношений. Если в ранних своих произведениях писатель называет кулачество "ужасным и безжалостным прессом", "мертвой петлей", окутывающей каждого крестьянина, то в более поздних своих работах он возлагает на кулачество серьезные надежды по ускорению темпов общественного прогресса.

В отличие от народников, видевших в кулаке историческую случайность, отклонение от общего направления развития, Н.В. Шелгунов совершенно четко осознавал, что это процесс имеет объективный характер. Важной заслугой мыслителя является то, что он смог разглядеть в этом сложном процессе дифференциации определенную тенденцию, когда "сплоченная община оказалась далеко слабее отдельных энергичных личников, сильных не только собственной силой, но и сочувствием подобных же им сторонников личного начала" (Шелгунов, 1871а). Он подчеркивал, что изменившиеся условия способствуют разрушению патриархальных общинных отношений и утверждению новых, более прогрессивных тенденций, направленных на защиту частнособственнических интересов русского крестьянства; неслучайно такого крестьянина он называет "бессознательным пионером прогресса". Следует особо подчеркнуть, что в отличие от народников, призывающих к уравнительному принципу в доходах, Шелгунов одним из первых в России по достоинству оценил "стремление бедняков к богатству, как источнику независимости", и подчеркивал, что "только обеспеченное положение дает человеку независимость" (Шелгунов, 1954б).

Это утверждение Н.В. Шелгунова имеет важное значение прежде всего потому, что долгое время в демократических кругах левого толка утверждалась мысль о существовании антагонизма между свободой и материальным благосостоянием. Предполагалось, что ограничение свободы в рамках уравнительной системы – это та жертва, которую приносит социализм ради достижения несравненно более важной цели – обеспечения достойной жизни основной массы народа. Философ пытался доказать, что свобода и благосостояние общества не противоречат, а напротив, необходимо предполагают друг друга, что капитализация деревни способствует превращению крестьян из пассивных общинников в активных собственников, открывая в них предпринимательские наклонности. При характеристике развития капиталистических отношений в деревне Шелгунов подчеркивает, что "предпринимательская

горячка" охватила широкие круги сельскохозяйственного населения и толкнула зажиточного мужика на путь использования имеющихся у него накоплений. В своих очерках он с удовлетворением подмечает принципиально новый подход крестьянства к делу: "Движение это началось сейчас же после освобождения... оно усилилось и приняло более яркий характер после учреждения крестьянского банка, когда зажиточный мужик брал ссуду из банка с целью организации более крупного хозяйства... Все это говорит о том, что мужик стал думать иначе. Это очень важный перелом в идейной жизни мужика" (Шелгунов, 1871б). Отмечая значение крестьянской реформы в развитии новых экономических отношений в стране, Шелгунов указывал, что реформа открыла широкие возможности для образования личного мелкого и крупного крестьянского земледелия. Таким образом, мы видим кардинальный поворот в мировоззрении Шелгунова по отношению к зажиточному крестьянству. Констатация того, что в "идейной жизни" крестьянина произошел "важный перелом", свидетельствует о появлении новой хозяйственной личности в сельскохозяйственной России. В отличие от народников, которые видели в этом гибельные процессы, Шелгунов приветствовал появление новой хозяйственной личности, гармонично вписывающейся в новые экономические условия, считая появление таких людей прогрессивным, "светлым, отрадным явлением".

Проблема новой хозяйственной личности находит свое неожиданное преломление в оценке Н.В. Шелгуновым главных действующих лиц романа Н.Г. Чернышевского "Что делать?". В отличие от Д.И. Писарева, который видел в образе "новых людей" идеал и модель будущего, Шелгунов утверждает, что ни Рахметов, ни Вера Павловна не принадлежат к тем новым людям, о которых говорится в заглавии романа, они составляют только переход к ним. Он выступает категорически против героизации образов Рахметова и Веры Павловны. Критик убежден, что время мифических титанов и героев уже прошло, для "социального прогресса необходимы простые люди, совокупными усилиями которых достигаются гораздо большие полезные результаты, ...которые со временем должны создать наше русское счастье" (Шелгунов, 1940). Следует особо подчеркнуть, что такой задачи в русской литературе до Шелгунова не ставил еще никто. Сам же он в своих публикациях постоянно обращается к жизни простого народа и приводит множество примеров героического труженичества и бескорыстия. Так, русская общественность узнала имя одесского доктора Дрея, который на протяжении многих лет, в любую непогоду, совершенно безвозмездно оказывал медицинскую помощь нуждающимся; аналогичный подвиг совершила медсестра Зина; примеры активного труженичества показали тифлисские учителя и библиотекари; земские учителя и врачи; сельские труженики и переселенцы, осваивающие новые земли Кавказа и Дальнего Востока – все это и многое другое нашло отражение в творчестве Н.В. Шелгунова.

Поиск причин, способствующих сохранению патриархальных пережитков в русском государственном хозяйствовании, приводит Н.В. Шелгунова к осмыслению причин бурного развития американского фермерского хозяйства. Сетую на то, что в России сила примера простого труженика, подвижника, для общества не является убедительной, Шелгунов обращается к истории Соединенных Штатов. Америка потому смогла достичь таких потрясающих результатов, подчеркивает мыслитель, что выдвинула "несчетный легион активных тружеников" и создала все условия для процветания новой хозяйственной личности (Шелгунов, 1891а). Мыслитель неоднократно прибегал к сравнению патриархальной русской системы хозяйствования с прогрессивной американской. Он искренне восхищался результатами американского экономического чуда и призывал к использованию этого прогрессивного опыта. Кроме этого, он по достоинству оценил систему демократических прав и свобод Соединенных Штатов, создавших максимальные условия для процветания новой хозяйственной личности.

Таким образом, главной заслугой публицистики Н.В. Шелгунова является то, что он в качестве альтернативы "романтическим" и "титаническим" литературным героям выдвигает идею коллективного будничного, но реального героя, олицетворяющего собой новую хозяйственную личность. Армия таких людей, по мнению мыслителя, может не только научить "коллективному уму-разуму", но и показать, чего может достичь общество при "коллективных усилиях множества простых людей". По его утверждению, поле деятельности для реализации и самоутверждения новой хозяйственной личности в России весьма обширно.

Большой интерес представляет критика Н.В. Шелгуновым так называемого "толстовства", в котором он видел одно из серьезных препятствий на пути прогресса. В своих острых публицистических статьях он резко выступает против идеи опрощения, раскрывает социальную опасность "толстовства" и его "теории малых дел", призывающей жить "своим хлебом". Прежде всего, он неустанно проводит мысль, что переселение интеллигенции в деревню, чтобы своими руками обрабатывать землю, никоим образом не отразится на улучшении жизни крестьянина, ибо эта программа не затрагивает основ крестьянской жизни и не способствует ее коренному изменению. Он вскрывает несостоятельность аргументации либеральных народников, что для заполнения существующего промежутка между

интеллигенцией и народом нужно "опроститься", пойти в народ, уподобиться ему. В этом плане интересна полемика Шелгунова с лидером либерального народничества Н.К. Михайловским, который в своей "формуле прогресса" абсолютизировал принцип "борьбы за индивидуальность". Именно в разносторонней в деятельности великого русского писателя он видел идеал гражданина будущего, который "соединя в своем лице разнородные профессии, уменьшает разнородность общества и в то же время усиливает свою личную разнородность, ... именно поэтому гр. Толстой стоит на пути прогресса и делает нравственное, справедливое, разумное и полезное дело" (Михайловский, 1899). Н.В. Шелгунов утверждает обратное и говорит, что деятельность Л.Н. Толстого, безусловно, представляет собой феномен русской действительности, однако возводить его в принцип "подражания и обожания" не стоит, более того, идеализация толстовства, по его мнению, представляет собой серьезную опасность для общества. Шелгунов был убежден в том, что, если интеллигенция, отказавшись от своего назначения, "сядет на землю" и своими руками будет ее обрабатывать, то это "нанесет общественному прогрессу больший вред, чем нашествие Тамерлана и Аттилы, потому что это означает уничтожение интеллигенции, отказ от достижений человеческой мысли" (Шелгунов, 1871в). Он определяет призыв жить "своим хлебом" как "общественное бедствие", которое обесилит движение "молодых энтузиастов" бесполезностью их действий. Критик акцентирует внимание общественности на том, что интеллигенция, как главный носитель ума и знаний, призвана развивать науку и культуру, способствовать общественному прогрессу, поэтому не она должна опускаться до уровня мужичьего сознания, а сознание масс должно подтягиваться до уровня высокой культуры и научного миропонимания. Верный своим демократическим убеждениям, Шелгунов говорит о необходимости таких общественных преобразований, которые позволили бы просветить народ, поднять его в культурном отношении до уровня интеллигенции. "Когда работа русского ума будет в условиях своей полной успешности, – уточняет мыслитель, – тогда интеллигенции не потребуется бежать для личного счастья в деревню – интеллигенция сама потащит деревню за собой, и пустота между интеллигенцией и народом заполнится" (Шелгунов, 1871в).

Таким образом, Н.В. Шелгунов был сторонником кардинальных преобразований в обществе. Раскрывая общественно вредный смысл теории "малых дел", толкающей интеллигенцию на бесполезную трату сил, критик подчеркивает иллюзорность ее характера, т.к. без принципиального решения коренных экономических и социально-политических задач силы лучших людей России иссякнут, не достигнув тех высоких целей, которые ставили перед собой. Мыслитель прекрасно осознавал, что развитие капиталистических отношений предполагает не только создание условий, необходимых для эффективного функционирования и развития производственно-хозяйственной деятельности; для ее практической реализации необходима новая хозяйственная личность, способная воплотить в жизнь поставленные задачи. Характерными чертами новой хозяйственной личности являются высокое трудолюбие, активная гражданская позиция и практицизм.

Согласно воззрениям Н.В. Шелгунова, именно новая хозяйственная личность является истинным носителем прогресса, сущность которой заключается в оптимальной адаптации к новым экономическим условиям. Особенность нового хозяйственного мышления состоит в его направленности на обеспечение рационального ведения хозяйства, в осознании необходимости достижения высоких конечных результатов минимальными затратами. Новая хозяйственная личность, по Н.В. Шелгунову, предполагает наличие у субъекта деятельности определенного образа мышления, особого стиля и типа хозяйственного поведения. Это проявляется в особом творческом отношении к делу, свободном проявлении инициативы, постоянном стремлении к новаторству, поиску нетрадиционных решений и возможностей, расширению масштабов и сфер деятельности, умении привлекать и использовать для решения поставленных задач ресурсы из самых разнообразных источников.

4. Заключение

Таким образом, разработанная Н.В. Шелгуновым идея новой хозяйственной личности представляла собой уникальное явление в русской философской мысли. Она стала альтернативой типологическим моделям личности пореформенного периода. Шелгунов одновременно противопоставил ее славянофильскому идеалу цельной соборной духовной личности, и популярной модели так называемых "новых людей" Н.Г. Чернышевского, причудливо сочетающей в себе принципы разумного эгоизма, идеалы гедонизма, стремление к активной трудовой деятельности и социалистические устремления. Идея новой хозяйственной личности стала альтернативой популярной в то время "критически развитой личности", выдвинутой П.Л. Лавровым и Н.К. Михайловским; одновременно она явилась антиподом идее "опрошения жизни" Л.Н. Толстого и идеалам революционного народничества. Однако в эпоху великих социальных потрясений 60-80-х годов XIX столетия идея новой хозяйственной личности не нашла должного понимания среди современников. Радикальные тенденции захлестнули

русское самосознание, которое ассоциировало прогресс только с революционными преобразованиями в стране.

Несмотря на это, стремление Шелгунова найти онтологическое и аксиологическое обоснование самоценности личности, ее целостности, понять собственное существо исходя из объективных материалистических начал, открыть путь к осознанию смысла жизни, делает его концепцию перспективной для современной философской антропологии. Выступая активной, свободной творящей силой, личность у Шелгунова является главным и основным носителем прогресса, его созидательной силой и смыслом прогрессивного развития общества. Эти идеи Н.В. Шелгунова и через 150 лет не потеряли своей актуальности, они удивительно созвучны требованиям нашей эпохи.

Литература

- Амелина Е.М.** Проблема общественного прогресса в русской религиозной философии начала XX века. *Социально-гуманистические знания*, № 4, с.243, 1999.
- Булгаков С.Н.** Два града. Исследование о природе общественных идеалов. Труды по социологии и теологии. В 2 т. М., Наука, с.113-114, 1999.
- Герцен А.И.** На смерть К. Аксакова. В кн.: *Историки экономической мысли России*. М., Наука, с.162, 2003.
- Михайловский Н.К.** Литературные воспоминания. СПб., изд. Ф. Павленкова, с.351, 1899.
- Самарин Ю.Ф.** О мнениях "Современника", исторических и литературных. Избранные произведения. М., РОССПЭН, с.47, 431, 1996.
- Святловский В.В.** История экономических идей в России. В кн.: *Историки экономической мысли России*. М., Наука, с.173, 2003.
- Шелгунов Н.В.** Новый ответ на старый вопрос. Соч. в 3 т. СПб., изд. Ф. Павленкова, т.3, с.291-292, 1891а.
- Шелгунов Н.В.** Светлые и темные явления. Там же, т.3, с.901-902, 1891б.
- Шелгунов Н.В.** Письма о воспитании. Избранные педагогические сочинения. М., Изд. АН РСФСР, с.136, 1954а.
- Шелгунов Н.В.** Теория счастья. Там же, с.260-261, 1954б.
- Шелгунов Н.В.** Государственное хозяйство. Сочинения в 3 т. СПб., изд. О. Поповой, т.2, с.136, 1904.
- Шелгунов Н.В.** Бессознательный пионер прогресса. Сочинения в 3 т. СПб., изд. Русская книжная торговля, т.3, с.472, 1871а.
- Шелгунов Н.В.** Далеко ли ушла наша общественная мысль. Там же, т.3, с.1072, 1871б.
- Шелгунов Н.В.** "Свой хлеб". Там же, т.3, с.679, 1871в.
- Шелгунов Н.В.** Русские герои, идеалы и типы. В кн.: *Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению*. М.-Л., изд. АН СССР, с.179-185, 1940.